

ГАСТРОЛИ ГАСТРОЛИ

КАК СОВРЕМЕННИК — ШИЛЛЕР

На спектакле Дюссельдорфского театра

Наиболее яркие страницы истории существующего более полутора столетия Дюссельдорфского драматического театра связаны с постановками классической драматургии. Они шли на сцене театра и в середине прошлого века, когда возглавлявший театр Карл Леберехт Иммерман осуществил здесь постановку нескольких десятков «образцовых спектаклей», и в двадцатом столетии, когда в годы после второй мировой войны во главе его стоял выдающийся деятель немецкого театра Густав Грюндгенс.

Гастроли в Тбилиси также открылись произведением классическим — «Коварство и любовь» Шиллера. Но хотя мы и впервые знакомимся вочью с искусством дюссельдорфцев, можно предположить, что спектакль этот не представляет собой рядового, обычного явления в творчестве коллектива. Молодой актер Роланд Шефер, для которого эта постановка стала режиссерским дебютом, предложил смелое новаторское прочтение трагедии. Из спектакля ясно видно, что постановщик шел по двум линиям, преследуя при этом одну цель.

Первую — условно можно назвать линией сближения театра и зрителя, сокращением дистанции между ними. В фойе перед спектаклем члены труппы находятся вместе со зрителями, они поют песни шиллеровских времен в современной аранжировке и прохаживаются в кулуарах театра (то же и в антракте). Нарушена демаркационная линия «четвертой стены» (хотя на время собственно сценического действия она восстанавливается вновь) — актеры и технический персонал свободно переходят со сцены в зрительный зал и обратно. И начало самого сценического действия не разграничено резко от этого преддействия спектакля, а как бы является его органическим продолжением — мирное чаепитие и поначалу тихая беседа четы Миллер.

Вторая линия — удаление от традиционных представлений о шиллеровской трагедии, нарочитое опровержение устоявшихся штампов. Это, в первую очередь, бросается в глаза уже

по распределению ролей, по внешнему облику персонажей, по их речевой манере и пластике.

Нужно ли повторять, что каждый великий драматург был непременно новатором. Что подзаголовок «Мещанская трагедия», который Шиллер дал своему произведению, был новацией и, несомненно, резал ухо ретроградом. Что автор стремился приблизить трагедию к массовому зрителю своего времени и, наконец, что, приближая спектакль к нашему времени, режиссер не совершал насилия над авторским текстом, а следовал его духу...

Покорев над пьесой, сторонники догматического прочтения смогут, конечно, не раз прекратить театр ну хотя бы в том, что у Шиллера ясно сказано, что Луиза — блондинка. Да, мы не увидели светловолосую голубоглазую «Гретхен», говорящую ангельским голосом. Мы встретили черноволосую девушку с порывистыми движениями, угловатой пластикой, говорящую вполне современными интонациями (актриса Шарлотта Шваб). Но эта девушка, ее переживания, ее трагедия близки нам. Так же близок нам и ее возлюбленный Фердинанд (Петер Зимонишек), атлетически сложенный, приятный молодой человек, каких мы каждый день можем встретить на улице.

Надо ли сетовать на то, что из первой любовной беседы героев убран весь пафос, внешняя «романтичность», что эта сцена подана как игра двух уже давно объяснившихся в любви людей. В спектакле сохранилось главное из трагедии — большая, истинная любовь. То, что формы ее выражения взяты не из шиллеровских, а из наших времен, это делает их еще более близкими нам.

Нельзя не отметить, что общее решение трагедии имеет очень много общего с «Ромео и Джульеттой» в театре имени Руставели, спектаклем в основном не понятым и не оцененным по достоинству. Это еще раз доказывает, что новаторство «чужое» обычно воспринимается гораздо легче, чем «свое». Правда, и на спектакле дюс-

сельдорфцев, несомненно, были люди, не принявшие подобное прочтение классики.

...В спектакле мы встретили как безграничную любовь, так и безграничное коварство. Если в мире «при дворе немецкого герцога» господствовал президент фон Вальтер, то в спектакле, на наш взгляд, господствует исполнитель этой роли, великолепный актер Эдгар Вальтер. Этот политик до мозга костей, бонза, не чурающийся плотских радостей (в спектакле удачно досочинена сцена оргии)... Замечательна драматическая пантомима актера, когда он, находясь на сцене в одиночку, в течение нескольких минут держит паузу. Этот эпизод, не предусмотренный автором, в основном опирается на развитие образной структуры пьесы. Президент — «тень герцога», и вот эта тень, а точнее — тень тени на стене, сначала маленькая, согнувшаяся в угодливом поклоне, постепенно растет, увеличиваясь до чудовищных размеров.

Миру президента противопоставлена в спектакле не только любовь, но шире — гуманизм, метафорически воплощенный в лежащей на сцене стопке книг. Это — сквозной образ, с которым по-разному взаимодействуют персонажи: с любовью — Луиза, с настороженностью — ее отец. В течение целой сцены тлеет на столе книга, сожженная президентом. И когда Фердинанд, преследуя гофмаршала, ногой разбрасывает стопку, это еще раз воспринимается как упрек миру президента, заставляющего героя попать то, что было для него свято.

Весьма впечатляюще и современно решен образ леди Мильфорд, роль которой актриса Вероника Байер от начала до конца ведет на напряженном нерве. Уже до монолога-исповеди мы ощущаем предисторию ее героини, в натуре которой цинизм еще не успел заглушить полностью человеческие чувства.

Приятное впечатление оставляет мастерство и актерская культура Алоиза Штремпеля (Миллер) и Рейнхарта Фирхофа (Вурм). Особенно интересен неожиданный бунт последнего во время диктовки письма Луизе — бунт против подлости системы, функционером которой он является. Удачно дополняют ансамбль актеры Джени Латтерманн, Христиана Шерер и Генрих Ортмайр. Из главных персонажей, пожалуй, наиболее традиционно решен образ фон Кальба (Франц Коллаш), который словно явился из иной постановки.

Вообще-то, сталкиваясь с таким интересным явлением искусства, не хочется упоминать отдельные недостатки, но нельзя не сказать, что второй акт по ритму значительно проигрывает по сравнению с первым.

В целом же первая встреча с искусством гостей оказалась яркой и радостной. И выступления театра из Дюссельдорфа в Тбилиси, как и гастроли руставелевцев в этом городе, послужат делу взаимообогащения культур и развитию дружбы наших народов.

И. ХИМШАШВИЛИ.

* * *

На снимке: сцена из спектакля «Коварство и любовь» Ф. Шиллера.

Фото М. Квирикашвили.

